

Научная статья

Научная специальность

5.1.5 «Международно-правовые науки»

УДК 327.7

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.1.124>

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

© Колобов Р. Ю., 2026

Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского СО РАН, г. Иркутск, Россия
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Показывается роль технологических инноваций в развитии экономических систем. Констатируется усиление дискурса технологического суверенитета в России и Европейском союзе, а также соответствующие изменения в документах стратегического планирования, направленных на его обеспечение. Показываются основные выводы доклада Марио Драги о состоянии инновационного развития в Европе. Констатируются системные проблемы в обеспечении европейского технологического развития, обнаруживающие себя в значительном числе отраслей экономики. К числу наиболее острых из них относится растущая зависимость от Китайской Народной Республики в обеспечении поставок редкоземельных металлов, низкий уровень трансфера технологий из научных и образовательных учреждений в производство, наличие административных барьеров. Выявляются причины существующих препятствий к обеспечению технологического суверенитета в Европейском союзе, анализируются основные подходы к его достижению. В заключительной части статьи проводится сопоставительный анализ российских и европейских подходов обеспечения инновационного развития в контексте технологического суверенитета. Констатируется общность некоторых используемых решений в части корпоративного регулирования, а также признания рискованного характера инновационной деятельности. Отмечается важность признания «права на обоснованный риск» в обновленном российском законодательстве о технологической политике. Выделяются некоторые общие черты, объединяющие современные российские формы поддержки инновационной деятельности и организаций типа Агентства перспективных исследовательских проектов (англ. Advanced Research Projects Agency, ARPA). Формулируются предложения о создании новых форм международной кооперации в сфере инновационной деятельности посредством специальных административных районов технологического сотрудничества.

Ключевые слова: технологический суверенитет, риск, инновационные компании, технологическая политика, критические технологии.

Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AS A LEGAL AND POLITICAL CATEGORY IN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

© Kolobov R. Yu., 2026

A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry SB RAS, Irkutsk, Russian Federation
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

The role of technological innovation in the development of economic systems is shown. The author states the strengthening of the discourse of technological sovereignty in Russia and the European Union, as well as the corresponding changes in strategic planning documents aimed at ensuring it. The main conclusions of Mario Draghi's report on the state of innovation development in Europe are shown. Systemic problems in ensuring European technological development, which are found in a significant number of economic sectors, are stated. Among the most acute of them are the growing dependence on the People's Republic of China for the supply of rare earth metals, low level of technology transfer from scientific and educational institutions to production, and the presence of administrative barriers. The reasons for the existing obstacles to technological sovereignty in the European Union are identified, and the main approaches to its achievement are analysed. In the final part of the article a comparative analysis of Russian and European approaches to innovative development in terms of ensuring technological sovereignty is carried out. The article states the similarity of some of the solutions used in terms of corporate regulation, as well as the recognition of the risky nature of innovation activities. The paper identifies shared regulatory approaches in corporate governance and acknowledges the inherently high-risk nature of innovation. It underscores the critical importance of enshrining the "right to justifiable risk" within the revised Russian technological policy framework. Furthermore, the analysis delineates common structural characteristics shared by contemporary Russian innovation support mechanisms and ARPA-style (Advanced Research

Projects Agency) organizations. Finally, the study advocates for pioneering models of international cooperation in the innovation sphere, specifically through the establishment of special administrative districts dedicated to technological collaboration.

Keywords: technological sovereignty, risk, innovative companies, technology policy, critical technologies.

The research was carried out within the framework of fulfillment of the RAS state assignment N 125013001144-6.

Введение

История различных цивилизаций показывает, что развитие науки и технологий служит причиной коренных изменений общественного уклада. Особенно заметными эти процессы стали в новое время. Изобретение паровой машины и внедрение ее в производственные процессы необратимым образом изменили производственные отношения и послужили толчком к их качественному обновлению [12].

XX в. дал еще больше примеров такого рода: за сто лет человек покорил небо, космос, достиг невиданных ранее скоростей в передаче и обработке информации. В XXI в. ученые и политики разных стран пытаются спрогнозировать влияние технических инноваций на национальные экономические системы. Технологии искусственного интеллекта уже сейчас влияют на состояние занятости населения, появление аккумуляторных батарей высокой мощности меняет облик автомобильной промышленности, массовая разработка солнечных батарей и иных альтернативных источников энергии открывает новые возможности решения экологических проблем.

Таким образом, технологии, несмотря на свой изначально технический характер, представляют собой явления социальные, анализ которых требует «вписывания» в определенный политико-юридический дискурс¹. Одной из основных категорий политики и права со времен Вестфальского конгресса является национальный суверенитет [9]. За прошедшие с 1648 г. столетия его содержание менялось под влиянием различных обстоятельств. Так, политика деколонизации во второй половине XX в. привела к формированию дискурса «суверенитета над природными ресурсами», усиление движения за признание коренных народов – к появлению понятия «суверенитет коренных народов» (англ. *indigenous sovereignty*), в XX в. в обиход вошла категория, являющаяся предметом настоящего исследования, – технологический суверенитет, а в XXI и такая ее разновидность, как цифровой суверенитет².

¹ Понимаемый как класс политико-юридических текстов, создаваемых общественными акторами в конкретных социально-исторических условиях [4, р. 698].

² Дискурс суверенитета развился и в необычные формы, к примеру «суверенитет тела» [11].

По мере общественного развития роль как общей конструкции суверенитета, так и его разновидностей в отдельных обществах может меняться и уступать место другим дискурсам, выражающим иные приоритеты текущего момента. Ярким примером такого рода является рубеж XX–XXI вв., когда крушение восточного блока вызвало к жизни дискурс глобализации [15], предопределивший, как будет показано далее в настоящей статье, современное состояние с обеспеченностью доступа к критически важному сырью и технологиям в Европейском союзе. Аналогичным образом отход от глобалистской модели, основанной на принципах свободы международной торговли, был связан с рядом финансовых кризисов начала второго десятилетия третьего тысячелетия, пандемией COVID-19 и развалом системы европейской безопасности. На настоящий момент как в России, так и в Европейском союзе отчетливо выделяются тенденции по принятию системы мер по обеспечению технологического суверенитета.

Материалы и методы исследования

Заявленный предмет исследования предполагает преимущественное применение сравнительно-правового метода исследования. Его реализация происходит, прежде всего, с использованием приема сопоставления, а в дальнейшем – критического анализа его результатов. Применение получают и классические юридические приемы исследования, прежде всего – формально-логический метод толкования права.

Материалами исследования являются европейские и российские нормативные акты, аналитические доклады и доктринальные источники.

Результаты исследования

Технологический суверенитет как правовая категория в России и ЕС

Начало третьего десятилетия XXI в. в Российской Федерации ознаменовано формированием инфраструктуры обеспечения технологического суверенитета, выражающейся в принятии целого комплекса нормативных правовых актов различной юридической природы и создании ряда институтов поддержки инновационной деятельности. Идеологической

основой создаваемой инфраструктуры являются национальные цели развития Российской Федерации, утвержденные Президентом РФ¹, порядку достижения которых посвящен Единый план, утвержденный Правительством РФ². Рассматриваемая тематика конкретизируется в достаточно большом числе отраслевых стратегий, в интересах настоящего исследования мы ограничимся указанием на Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации³ и Концепцию технологического развития Российской Федерации⁴. Ядром законодательного регулирования отношений по обеспечению технологического суверенитета являются Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты»⁵ (далее – Закон о технологической политике) и Федеральный закон «О развитии технологических компаний в Российской Федерации»⁶ (далее – Закон о развитии технологических компаний).

Обеспечение технологического суверенитета осуществляется в рамках национальной цели развития «технологическое лидерство», выражающейся в достижении амбициозных показателей, установленных п. 7 Указа. Понятие «технологический суверенитет» определяется в подп. «и» п. 4 Стратегии научно-технологического развития России как способность создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. Закон о

технологической политике оперирует понятием «технологическое лидерство», определяя его через технологическую независимость Российской Федерации.

Констатируя широту закрепленного инструментария достижения технологического суверенитета, мы хотели бы отметить, что его организационным центром являются национальные проекты технологического лидерства в приоритетных направлениях технического развития⁷. С вступлением в силу Закона о технологической политике получила нормативное оформление структура отношений участников отношений по достижению технологического суверенитета, прежде всего, в части критических и сквозных технологий.

В европейской науке ведется напряженная дискуссия относительно уместности понятия «европейский суверенитет» (суверенитет Европейского союза) [11]. Поскольку сам по себе этот вопрос явным образом выпадает из предмета настоящего исследования, носящего специальный характер, отметим лишь, что при любом отношении доктрины к уместности использования категории «суверенитет» (и его разновидностей) применительно к такому самобытному межгосударственному объединению, как ЕС, нельзя игнорировать тот факт, что оно прочно вошло в европейскую политическую и экономическую повестку. Его используют лидеры ведущих стран – членов Европейского союза и его высшие должностные лица [5, р. 287–288], оно отражается в принимаемых различными органами Союза документах⁸. Во Франции значительное политическое влияние имело заявление бизнесмена и владельца радиостанции Skyrock об

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

² Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 год (утв. Правительством РФ) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента РФ от 28 февр. 2024 г. № 145 // Собр. законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

⁴ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собр. законодательства РФ. 2023. № 22. Ст. 2964.

⁵ О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты : федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 523-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. 1). Ст. 8533.

⁶ О развитии технологических компаний в Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 2023. № 32. (ч. 1). Ст. 6210.

⁷ Беспилотные авиационные системы, новые материалы и химия, новые атомные и энергетические технологии, технологическое обеспечение продовольственной безопасности, средства производства и автоматизации, промышленное обеспечение транспортной мобильности, развитие многоспутниковой орбитальной группировки, новые технологии сбережения здоровья и биоэкономика.

⁸ Тематика технологического суверенитета становится предметом исследований, проводимых под эгидой Европейского парламента, см., например: Key enabling technologies for Europe's technological sovereignty. Study, Panel for the Future of Science and Technology. URL: [https://europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697184/EPRS_STU\(2021\)697184_EN.pdf](https://europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/697184/EPRS_STU(2021)697184_EN.pdf) (дата обращения: 25.12.2025), а Европейский совет по инновациям – основной орган, ответственный за организацию поддержки инновационной деятельности принял специальное программное заявление по вопросам технологического суверенитета. См.: Statement on Technological Sovereignty. URL: https://eic.ec.europa.eu/document/download/61d52ef5-5b28-4c00-bfb8-a67e9c22666f_en?filename=Statement%20on%20technological%20sovereignty.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

утрате Францией *цифрового суверенитета* под влиянием американского империализма [4, p. 179; 2]¹. Схожие опасения привели к принятию первой за долгое время промышленной стратегии Германии, в которой центральное место уделяется *промышленному суверенитету* [14, p. 52].

Как указывалось ранее в настоящей статье, развитие и усиление дискурса технологического суверенитета происходит в начале второго десятилетия XXI в., когда Европейский совет употребляет понятие «стратегической автономии» в 2013 г.² В промышленной стратегии, принятой в 2020 г., вопрос о суверенитете Европы был отражен как основной³. Массовый локдаун в связи с пандемией COVID-19, введенный на следующий день после утверждения стратегии, выявил многие проблемы в европейской экономике и потребовал в том числе и обновления указанного документа. Принятая в 2021 г. обновленная стратегия значительное внимание уделяет стратегическим зависимостям ЕС от других стран⁴. Развитие этой озабоченности привело к появлению двух исследований, проведенных Комиссией ЕС для выявления наиболее чувствительных товаров и технологий в 2021⁵ и 2022 гг.⁶

Пожалуй, наиболее откровенные оценки состояния технологического суверенитета в Европе содержит доклад, подготовленный по поручению Европейской комиссии Марио Драги – бывшим председателем Европейского

Центрального банка⁷ (далее – доклад Драги). В нем отмечаются как ошибки, допущенные в период гиперглобализации⁸, так и значительные выгоды, полученные от международной торговли. Так, за период с 2000 по 2019 г. доля международной торговли в общем ВВП ЕС выросла с 30 до 43 %, в то время как в США только с 25 до 26 %⁹. При этом в ближайшей перспективе прогнозируется сохранение установившегося соотношения в торговле с Китаем, нуждающимся в рынке сбыта товаров сегмента «чистых технологий»¹⁰.

Вместе с тем сравнительный анализ европейской, американской и китайской экономических систем с точки зрения инновационного потенциала показал серьезное отставание ЕС в сферах отраслей высоких технологий. Только четыре из пятидесяти ведущих компаний в сфере высоких технологий являются европейскими¹¹. Европейский союз на 80 % полагается на иностранные цифровые продукты, услуги, инфраструктуру и интеллектуальную собственность¹². Самая большая доля европейского оператора облачных данных составляет всего 2 % от рынка ЕС¹³. За последние пятьдесят лет в Европе не было создано ни одной компании, чья рыночная капитализация превысила бы 100 млрд евро, в то время как в США за тот же период были созданы 6 компаний, чья капитализация превысила триллион евро¹⁴. Критическую оценку получает в докладе Драги и деятельность университетов и научно-исследо-

¹ О важности рассматриваемой проблематики свидетельствует и наименование профильного министерства: Le ministère de l'Économie, des Finances et de la Souveraineté industrielle et numérique (министерство экономики, финансов и промышленного и цифрового суверенитета).

² European Council Conclusions. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-217-2013-INIT/en/pdf> (дата обращения: 25.12.2025).

³ A new Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission. COM(2020) 102 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0102> (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Updating the 2020 New Industrial Strategy: Building a stronger Single Market for Europe's recovery. Communication from the Commission. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2021-05/communication-industrial-strategy-update-2020_en.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

⁵ Strategic dependencies and capacities. Commission staff working document. SWD (2021) 352 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021SC0352> (дата обращения: 25.12.2025).

⁶ EU strategic dependencies and capacities: second stage of in-depth reviews. Commission staff working document. SWD (2022) 41 final. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/48878/attachments/2/translations/en/renditions/native> (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Доклад состоит из трех документов. Первый – речь М. Драги на заседании Европейского парламента 17 сент. 2024 г. (далее – Address) См.: Address by Mr. Draghi – Presentation of the report on the Future of European competitiveness – European Parliament – Strasbourg – 17 September 2024. URL: https://commission.europa.eu/document/download/fcbc7ada-213b-4679-83f7-69a4c2127a25_en?filename=Address%20by%20Mario%20Draghi%20at%20the%20Presentation%20of%20the%20report%20on%20the%20future%20of%20European%20competitiveness.pdf (дата обращения: 25.12.2025). Второй документ – Часть А Доклада, посвященная стратегии конкурентоспособности Европы. См.: The Draghi report on EU competitiveness. (далее – Part A). URL: https://commission.europa.eu/document/download/97e481fd-2dc3-412d-be4c-f152a8232961_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness%20-%20A%20competitiveness%20strategy%20for%20Europe.pdf (дата обращения: 25.12.2025). В третьем содержится углубленный анализ проблем развития инновационной деятельности в Европе и рекомендации (далее – Part B). URL: https://commission.europa.eu/document/download/ec1409c1-d4b4-4882-8bdd-3519f86bbb92_en?filename=The%20future%20of%20European%20competitiveness%20In-depth%20analysis%20and%20recommendations_0.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

⁸ Part A. P. 19.

⁹ Ibid. P. 13.

¹⁰ Ibid. P. 54.

¹¹ Ibid. P. 14.

¹² Ibid. P. 57.

¹³ Ibid. P. 24.

¹⁴ Ibid. P. 6.

вательских институтов. В число 50 лидеров по научным публикациям в ведущих рецензируемых журналах входит только три европейских института, в США – 21, в Китае – 15¹. Наконец, весьма низок и уровень трансфера технологий из университетов и академических институтов в производство – только треть патентуемых результатов интеллектуальной деятельности получают коммерческую реализацию².

В числе препятствий развитию инновационной деятельности указываются излишняя бюрократизация и зарегулированность сферы развития высоких технологий, а также сложность процедур финансовой поддержки стартапов. В ЕС действует порядка 100 нормативных актов, регулирующих сферу высоких технологий, и порядка 270 регуляторов. Ярким примером нормативного ограничения развития высоких технологий является европейский регламент об искусственном интеллекте, исходящий из принципа предосторожности при развитии моделей ИИ общего назначения³.

Вопрос о стратегических зависимостях также получил неутешительные оценки в докладе: более 90 % редкоземельных металлов импортируются в ЕС из Китая, собственная добыча на территории Европы не осуществляется⁴. Отрасль искусственного интеллекта практически полностью зависит от одного американского поставщика оборудования, а производство процессоров – от азиатских поставщиков⁵.

Обеспечение достижения технологического суверенитета осуществляется в соответствии с различными нормативными актами европейского уровня. Прежде всего, к их числу относится Регламент о критически важном сырье (англ. Critical Raw Materials Act)⁶. Первое и второе приложения к этому документу утверждают перечни соответственно стратегического и критического сырья, в отношении которого устанавливаются целевые показатели обеспечения и меры по его достижению. В соответствии со ст. 5 Регламента к 2030 г. способность Союза добывать полезные ископаемые должна обеспечивать не менее 10 % годового потребления страте-

гического сырья; производственные мощности по переработке должны обеспечивать не менее 40 % годового потребления, а мощности по переработке – не менее 25 %.

Достижение этих показателей должно обеспечиваться за счет поддержки стратегических проектов, для реализации которых осуществляется снижение административного бремени, финансовой поддержки за счет мобилизации частных и публичных инвестиций, разработки национальных систем переработки вторичного сырья и других мер [16].

Еще одним документом, имеющим яркую «суверенную» направленность, является так называемый Акт о процессорах (чипах) (англ. European CHIPs Act)⁷. Его принятие стало реакцией на сильную зависимость европейского рынка от зарубежных поставщиков процессоров. В рамках создаваемой этим нормативным актом системы обеспечения поддержки производства процессоров планируется инвестировать в отрасль не менее 43 млрд евро, что в совокупности с системой принимаемых мер должно обеспечить выход европейского производства чипов на показатель 20 % от мирового объема [8, p. 96].

Общность подходов к решению задач обеспечения технологического суверенитета в России и Европейском союзе

Общность задач обеспечения технологического суверенитета порождает и использование схожих средств их достижения. Пожалуй, наиболее ярким проявлением такого сходства является появление специального правового статуса для юридических лиц, осуществляющих инновационную деятельность. Как отмечалось ранее в настоящей статье, в 2023 г. в России принят Закон о развитии технологических компаний, создающий инфраструктуру поддержки технологического предпринимательства. Государственная поддержка, в соответствии со ст. 4 указанного закона, может принимать разнообразные формы, среди которых льготы по уплате налогов, сборов, страховых взносов, таможенных платежей, предоставление финансовой поддержки из бюджета, формирование спроса на инновационную и высокотехнологичную

¹ Part A. P. 28.

² Ibid. P. 29.

³ Ibid. P. 30.

⁴ Part B. P. 53

⁵ Part A. P. 57.

⁶ Regulation (EU) 2024/1252 of the European Parliament and of the Council of 11 April 2024 establishing a framework for ensuring a secure and sustainable supply of critical raw materials and amending Regulations (EU) N 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1724 and (EU) 2019/1020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202401252 (дата обращения: 25.12.2025).

⁷ Regulation (EU) 2023/17811 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 establishing a framework of measures for strengthening Europe's semiconductor ecosystem and amending Regulation (EU) 2021/694 (Chips Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R1781> (дата обращения: 25.12.2025).

продукцию и др.¹ Малые технологические компании вправе использовать ускоренную процедуру патентования.

Ключевым предложением, сформулированным в докладе Драги, является закрепление в актах европейского права специального юридического статуса Европейской инновационной компании². Предполагается, что такие компании будут обладать общеевропейским личным статутом, к ним будет применяться гармонизированное корпоративное, налоговое и трудовое законодательство, а также законодательство о банкротстве³.

В контексте рассматриваемого «корпоративного» аспекта достижения технологического суверенитета обращает на себя внимание и акцентирование обоими сравниваемыми правовыми порядками усилий на развитии сектора малого и среднего бизнеса в сфере технологических инноваций. В России на настоящий момент уже действует система мер поддержки малых технологических компаний, соответствующих критериям, установленным ст. 5 Федерального закона «О развитии технологических компаний в Российской Федерации». В докладе Драги отмечается, что нормативная база ЕС возлагает большее регуляторное бремя на малый и средний, чем на крупный бизнес⁴. Более половины представителей этого сегмента предпринимательства назвали основным препятствием в развитии своей деятельности административное бремя⁵.

Еще одной проблемой развития технологических инноваций, на решение которой обращается внимание в России и ЕС, является учет высокорискового характера этой деятельности. В юридической плоскости это обстоятельство требует выработки особых правил, регулирующих отношения инноватора и инвестора в части распределения такого риска, а при наличии оснований – ответственности перед инвестором. Таким инвестором могут выступать как частные лица, так и институты развития, распределяющие публичные финансы. Как отмечается в докладе Драги, одной из основных проблем инвестирования в инновационные технологические проекты являются консервативные подходы к

оценке рисков на уровне правил Европейского союза⁶. В качестве одного из предлагаемых принципиальных изменений в цитируемом отчете предлагается реформирование основной европейской управленческой структуры в области инноваций – Европейского инвестиционного совета по типу американского Агентства перспективных исследовательских проектов (англ. Advanced Research Projects Agency, ARPA). В США существовало несколько институтов развития, которые использовали в своем наименовании указанное словосочетание, наибольшую известность из них получило Агентство оборонных перспективных исследовательских проектов (англ. Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA)⁷. Их всех объединяет общий подход – финансирование проектов, отличающихся высоким риском [6] и направленных на появление прорывных технологий, оказывающих влияние на состояние отдельных отраслей экономики.

Ключевой характер проблемы учета рискованного характера инновационной деятельности рельефно демонстрируется фактом включения в российский Закон о технологической политике отдельных положений, закрепляющих так называемое право на обоснованный риск. Статья 24 указанного акта регулирует правила оценки эффективности проектов развития технологий с учетом права на обоснованный риск. Под ним предлагается понимать возможность недостижения агентом развития технологий и получателем средств запланированных показателей, а также обесценения активов получателя таких средств вследствие такого недостижения. Допустимые уровни риска и базовые критерии управления ими, а также правила оценки эффективности проектов должны быть установлены Правительством РФ. Положения анализируемой статьи направлены на установление баланса между интересами развития инноваций и эффективного расходования бюджетных средств, удачность которого можно будет оценить после формирования необходимой подзаконной базы и практики ее применения.

На настоящий момент можно констатировать, что формирующееся российское регулирование технологических инноваций обладает некоторыми чертами, используемыми в организациях типа ARPA. Одной из важнейших черт

¹ По состоянию на декабрь 2024 г. Минэкономразвития РФ приводит 15 мер такого рода, применяемых для малых технологических компаний. См.: Перечень мер поддержки для малых технологических компаний. URL: https://economy.gov.ru/material/file/ec41207639abe1f5a5549872e3ae2c/perechen_mer_podderzhki_MTK_2024.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

² Address P. 3.

³ Part B. P. 254.

⁴ Part A. P. 71.

⁵ Ibid. P. 18.

⁶ Part A. P. 64.

⁷ Известность также получило агентство ARPA-H, призванное содействовать появлению новых технологий в сфере здравоохранения [14].

такого рода является значительный уровень индивидуализации условий реализации отдельных технологических проектов. Программы ARPA изначально строятся вокруг отдельных перспективных инноваций, для реализации которых назначается отдельное должностное лицо [7]. Очевидно, что в Законе о технологической политике также просматривается инструментарий создания эксклюзивного режима реализации инициатив в сфере создания технологической инноваций. Он обеспечивается, прежде всего, посредством национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, в рамках которых подлежат утверждению карты технологической кооперации, определяющие основы взаимодействия различных субъектов, вовлеченных в процессы технологического развития. Персонализация управленческих усилий по выполнению таких проектов обеспечивается назначением кураторов проектов, которыми могут выступать заместители Председателя Правительства РФ (подп. 6 п. 1 ст. 13).

Необходимость концентрации финансовых и организационных усилий публичной власти и частного бизнеса в вопросах разработки критических технологий обуславливает использование функционально схожих юридических форм. Как отмечалось, в России усилия по развитию перспективных технологий реализуются в рамках национальных проектов технологического лидерства, структура которых предполагает использование как средств бюджетной системы, так и частного капитала. В Европейском союзе те же цели достигаются посредством конструкции совместных предприятий (англ. *joint undertaking*, фр. *entreprises communes*), создаваемых в соответствии со ст. 187 Договора об учреждении Европейского союза¹ с целью эффективной организации научных исследований и технологического развития. В соответствии с Регламентом 2021/2085² создано девять таких предприятий. Одно из таких предприятий реализует проекты, связанные с развитием технологий получения и использования чистого водорода. Бюджет Европейского Союза обеспечивает инвестиции в размере не менее одно-

го миллиарда евро на период с 2021 по 2027 г., предполагается, что частный капитал также мобилизует инвестиции не менее миллиарда евро³.

Критически важным аспектом в обеспечении технологического суверенитета является формирование системы трансфера технологий. В докладе Драги приводятся данные о наличии системных проблем в этой сфере. Только треть запатентованных результатов интеллектуальной деятельности, регистрируемых европейскими университетами и научными организациями, переходят в стадию коммерческой реализации⁴. Неудовлетворительным образом характеризуется и состояние отделов трансфера технологий в европейских университетах: во многих случаях они недоукомплектованы, а их персонал не обладает необходимыми компетенциями для реализации своих функций⁵. Причиной такого положения вещей признается отсутствие необходимого нормативного регулирования, создающего стимулы для патентования и дальнейшего внедрения в производство перспективных результатов интеллектуальной деятельности⁶.

Проблема эффективности трансфера технологий актуальна и для России. В Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 года указывается, что инфраструктура передачи технологий в производство практически отсутствует. Центры трансфера технологий определены в Федеральном законе «О технологической политике» в качестве лиц, содействующих развитию технологий. Однако на уровне цитируемого закона каких-либо специальных положений, направленных на стимулирование рассматриваемых процедур, не закрепляется. На решение описываемых задач были направлены положения Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты»⁷, внесшие дополнения в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»⁸ в том числе в части особенностей создания и деятельности инжиниринговых центров в сфере создания промышленного производства. На них, в частности, возлагается задача по внедрению технологий.

³ Clean Hydrogen Partnership. URL: https://clean-hydrogen.europa.eu/about-us/who-we-are_en (дата обращения: 25.12.2025).

⁴ Part A. P. 29.

⁵ Part B. P. 241.

⁶ Ibid. P. 253.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты : федер. закон от 22 июня 2024 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2024. № 26. Ст. 3546.

⁸ О промышленной политике в Российской Федерации: федер. закон от 31 дек. 2014 г. № 488-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 41.

¹ Consolidated Version of the Treaty of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:2bf140bf-a3f8-4ab2-b506-fd71826e6da6.0023.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 25.12.2025).

² Council Regulation 2021/2085 of 19 November 2021 establishing the Joint Undertakings under Horizon Europe and repealing Regulations (EC) N 219/2007, (EU) N 557/2014, (EU) N 558/2014, (EU) N 559/2014, (EU) N 560/2014, (EU) N 561/2014 and (EU) N 642/2014. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02021R2085-20230921> (дата обращения: 25.12.2025).

Обсуждения и заключения

Проведенное исследование показывает как общность проблематики обеспечения технологического суверенитета, поднимаемой в России и Европейском союзе, так и схожий юридико-организационный инструментарий его достижения. Российское законодательство в области технологической политики находится в стадии формирования, вместе с тем уже сегодня представляется возможным сформулировать отдельные направления его возможного совершенствования, в том числе и с учетом зарубежного опыта. Так, представляет интерес описанная в докладе Драги модель европейской инновационной компании. Разумеется, что в контексте Евросоюза она призвана решать, прежде всего, проблему множественности правопорядков и обеспечение «сквозного» режима деятельности таких компаний в каждой стране – участнице ЕС. Но мы полагаем, что эта конструкция может в будущем быть осуществлена и в российских реалиях. С одной стороны, по мере развития права Евразийского экономического союза возможно создание аналогичного специального статуса в рамках этого интеграционного объединения, что обеспечит доступ к гармонизированным правилам осуществления инновационной деятельности. Еще одним возможным вариантом использования «корпоративного» инструментария является расширение международного сотрудничества в области развития технологий. Как было показано, развитые капиталистические государства и их объединения не ставят целью достижение абсолютного технологического суверенитета за счет собственных возможностей, посвящая значительную часть усилий в этой сфере выстраиванию устойчивых цепочек обеспечения критически важных материалов, технологий и промышленной продукции поставками из-за рубежа. В 2018 г. в Российской Федерации был принят комплекс нормативных актов, обеспечивающих деятельность международных компаний в специальных административных районах, в рамках которых сформирован особый режим ведения предпринимательской и иной экономической деятельности, схожий с низконалоговыми юрисдикциями. Изначальная направленность этого режима была направлена на редомципацию юридических лиц – холдинговых компаний, обладавших значительными активами на территории Российской Федерации. В дальнейшем в Федеральный закон «О междуна-

родных компаниях и международных фондах»¹ вносились изменения в части возможности создания международных фондов, а также международных компаний в порядке инкорпорации. В целях развития технологического сотрудничества с иностранными государствами возможно внесение дополнений в закон «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края»², предусматривающих создание не только «внутренних офшоров» по типу САР в Калининградской области и Приморском крае, но и административных районов технологического сотрудничества, в которых смогут осуществлять деятельность международные компании в сфере технологического сотрудничества.

Усилению международного сотрудничества в области технологического развития может содействовать и практика создания совместных предприятий как формы государственно-частного партнерства. Проработка возможности их создания на уровне ЕаЭС и стран БРИКС также представляется перспективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bauder H., Mueller R. Westphalian Vs. Indigenous Sovereignty: Challenging Colonial Territorial Governance // *Geopolitics*. 2023. Vol. 28, N 1. P. 156–173.
2. Bellanger P. De la souveraineté numérique // *Le Débat*. 2020. Vol. 170, N 3. P. 149–159.
3. Chalaby J. K. Beyond the Prison-House of Language: Discourse as a Sociological Concept // *The British Journal of Sociology*. 1996. Vol. 47, N 4. P. 684–698.
4. Danet D., Desforges A. Souveraineté numérique et autonomie stratégique en Europe : du concept aux réalités géopolitiques // *Hérodote*. 2020. Vol. 178, N 2. P. 179–195.
5. Des Places S. B. Taking the Language of “European Sovereignty” Seriously // *European Papers*. 2020. Vol. 5, N 1. P. 287–297.
6. Envisioning ARPA-C: A transdisciplinary institution for radical climate research and intervention / L. Badia, J. M. Plaut, J. C. von Fischer, J. Volckens, J. Muhs // *Earth's Future*. 2021. Vol. 9, N 6. Art. E2021EF002115.
7. Frank A. B., Brown R. A. How Advanced Research Project Agencies Pick Their Programs. The Benefits and Limits of Goldilocks Problems. Research Report. 2024. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA2400/RRA2471-1/RAND_RRA2471-1.pdf (дата обращения: 25.01.2025).
8. Glatter R. From Overdependence to Independence: European Policy Frameworks for Semiconductor Supply Chain Resilience // *International Policy Review*. 2025. Vol. 6, N 1. P. 88–108.
9. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948 // *The American Journal of International Law*. 1948. Vol. 42, N 1. P. 20–41.
10. Ivancic S. R. Body Sovereignty and Body Liability in the Wake of an “Obesity Epidemic”: A Poststructural Analysis of the Soda Ban // *Health Communication*. 2018. Vol. 33, N 10. P. 1243–1256.

¹ О международных компаниях и международных фондах : федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5083.

² О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края : федер. закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ // *Собр. законодательства РФ*. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 5084.

11. Molnar A., Harnos E. A. From Quasi-Sovereignty to Full Sovereignty? The Interpretations of Strategic Autonomy and Sovereignty in the European Union // *Annals of the Croatian Political Science Association*. 2024. Vol. 21, N 1. P. 95–116.

12. Sicilia B. D. Steam Power and the Progress of Industry in the Late Nineteenth Century // *Theory and Society*. 1986. Vol. 15, N 1/ 2. P. 287–299.

13. Somani S. ARPA-H: Risky or Revolutionary? The Challenges and Opportunities of Biden's New Biomedical Research Agency // *Journal of Science Policy & Governance*. 2022. Vol. 21, N 1. DOI: 10.38126/JSPG210107.

14. Staab P., Pirogan M., Piétron D. Technological sovereignty in Germany: techno-industrial policy as a form of economic statecraft? // *Global Political Economy*. 2025. Vol. 4, N 1. P. 51–70.

15. Strand J. R., Mueller T. F., McArthur J. A. The Essentially Contested Concept of Globalization // *Politics and Ethics Review*. 2005. Vol. 1, N 1. P. 45–59.

16. The Role of Critical Raw Material Imports in Shaping Economic Competitiveness within the European Union / R. I. Diaconescu, M. Gheorghe, I. R. Petrariu, G. Hurduzeu // *The Romanian Economic Journal*. 2024. N 89. P. 24–34.

REFERENCES

1. Bauder H., Mueller R. Westphalian Vs. Indigenous Sovereignty: Challenging Colonial Territorial Governance. *Geopolitics*, 2023, vol. 28, no. 1. pp. 156–173.

2. Bellanger P. De la souveraineté numérique. *Le Débat*, 2020, vol. 170, no. 3, pp. 149–159.

3. Chalaby J.K. Beyond the Prison-House of Language: Discourse as a Sociological Concept. *The British Journal of Sociology*, 1996, vol. 47, no. 4, pp. 684–698.

4. Danet D., Desforges A. Souveraineté numérique et autonomie stratégique en Europe : du concept aux réalités géopolitiques. *Hérodote*, 2020, vol. 178, no. 2, pp. 179–195.

5. Des Places S.B. Taking the Language of “European Sovereignty” Seriously. *European Papers*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 287–297.

6. Badia L., Plaut J. M., von Fischer J.C., Volckens J., Muhs J. Envisioning ARPA-C: A transdisciplinary institution for radical climate research and intervention. *Earth's Future*, 2021, vol. 9, no. 6, art. E2021EF002115.

7. Frank A.B., Brown R.A. How Advanced Research Project Agencies Pick Their Programs. The Benefits and Limits of Goldilocks Problems. Research Report. 2024. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RRA2400/RRA2471-1/RAND_RRA2471-1.pdf (date of access: 25.01.2025).

8. Glatter R. From Overdependence to Independence: European Policy Frameworks for Semiconductor Supply Chain Resilience. *International Policy Review*, 2025, vol. 6, no. 1, pp. 88–108.

9. Gross L. The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law*, 1948, vol. 42, no. 1, pp. 20–41.

10. Ivancic S.R. Body Sovereignty and Body Liability in the Wake of an “Obesity Epidemic”: A Poststructural Analysis of the Soda Ban. *Health Communication*, 2018, vol. 33, no. 10, pp. 1243–1256.

11. Molnar A., Harnos E.A. From Quasi-Sovereignty to Full Sovereignty? The Interpretations of Strategic Autonomy and Sovereignty in the European Union. *Annals of the Croatian Political Science Association*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 95–116.

12. Sicilia B.D. Steam Power and the Progress of Industry in the Late Nineteenth Century. *Theory and Society*, 1986, vol. 15, no. 1/ 2, pp. 287–299.

13. Somani S. ARPA-H: Risky or Revolutionary? The Challenges and Opportunities of Biden's New Biomedical Research Agency. *Journal of Science Policy & Governance*, 2022, vol. 21, no. 1, DOI: 10.38126/JSPG210107.

14. Staab P., Pirogan M., Piétron D. Technological sovereignty in Germany: techno-industrial policy as a form of economic statecraft? *Global Political Economy*, 2025, vol. 4, no. 1, pp. 51–70.

15. Strand J.R., Mueller T.F., McArthur J.A. The Essentially Contested Concept of Globalization. *Politics and Ethics Review*, 2005, vol. 1, no. 1, pp. 45–59.

16. Diaconescu R.I., Gheorghe M., Petrariu I.R., Hurduzeu G. The Role of Critical Raw Material Imports in Shaping Economic Competitiveness within the European Union. *The Romanian Economic Journal*, 2024, no. 89, pp. 24–34.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 11.02.2026

Received on 10.11.2025; approved on 01.12.2025; accepted for publication on 11.02.2026

Колобов Роман Юрьевич – кандидат юридических наук; ведущий научный сотрудник, Иркутский институт химии им. А. Е. Фаворского СО РАН (Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Фаворского, 1); доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0003-1488-7530, Researcher ID: H-4644-2016, e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Kolobov Roman Yurievich – Candidate of Juridical Sciences, Leading Researcher, A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry SB RAS (1, Favorsky st., Irkutsk, 664033, Russian Federation); Associate Professor, Department of International and Comparative Law, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1488-7530, Researcher ID: H-4644-2016, e-mail: roman.kolobov@gmail.com